

ЭФФЕКТ «ИСПОРЧЕННОГО ТЕЛЕФОНА» В ПОНИМАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ РЕЧЕВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

А. П. Бабушкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 апреля 2011 г.

Аннотация: статья посвящена влиянию апперцепции как психологического явления на ошибочно воспринимаемые высказывания, которые, возникая по той или иной причине, формируют иерархию ложных интерпретаций. Случай народной этимологии также объясняется феноменом апперцепции.

Ключевые слова: речевая деятельность, информация, ложное понимание, апперцепция, внутренняя установка, интерпретация, народная этимология.

Abstract: the article is devoted to the influence of apperception as a psychological phenomenon on mistakenly understood sayings which are provoked by different causes thus building up a classification of misinterpretations. The case of folk etymology is also explained by apperception.

Key words: speech activity, information, falsely understandings, apperception, inner settings, interpretation, folk etymology.

Понимание – это разновидность речевой деятельности, результатом которой является установление смысла некоторого объекта (обычно текста или дискурса) [1, с. 124]. По мнению А. В. Бондарко, речевой смысл может быть охарактеризован как та информация, которую хочет передать и передает говорящий, и та информация, которую воспринимает адресат [2, с. 319]. Таким образом, в качестве важного модуля этого процесса выступает «освоение» сказанного – в сознании человека, воспринимающего информацию, выстраивается модельный мир, создаваемый его внутренними ресурсами. При этом важно, чтобы внутренние ресурсы интерпретатора предполагали физическую способность воспринимать то, что он слышит, в надлежащем виде, а еще важнее – чтобы выдерживалось предельное соответствие «своего» модельного мира «чужому».

Нарушение первого из этих условий в той или иной степени, безусловно, затрагивает второе, т.е. влечет за собой противоречие между модельными мирами и ведет к полному или частичному непониманию сказанного. Подобный случай может быть приравнен к эффекту «испорченного телефона». Под шутливым выражением «испорченный телефон» понимаются сведения, до неузнаваемости искажаемые при передаче от одного лица к другому [3, с. 781]. Любопытно, что игра, давшая название этому выражению, практикуется и в других странах – в Великобритании она известна как *Chinese whispers* – (букв.) «китайские перешептывания» [4, с. 1386], или *Russian gossips* – «русские сплетни» [5, с. 399].

Из этого следует, что интересующий нас эффект понятен не только русскому народу, но и ряду других.

В русском языке казусы «испорченного телефона» фиксируются в текстах разных жанров:

1. Народная байка

Ребенок видит, что в кринку с протоквашей случайно попала мышка.

– Баба, кися! (Баба, крыса!) – говорит он.

– Кисло, сыночек, кисло, – отвечает та.

– С газами! (С глазами!)

– Из Казани, милый, из Казани!

2. Сказка

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты моя защита и оборона!» – «Как, я оципана ворона? Ах ты, такая-сякая!» и отколотил жену.

«Что ты, глупый черт!» – закричала баба. – Разбойник, обидчик этакой!» – «Вот давно бы так!» – сказал муж.

(Народные русские сказки А. Н. Афанасьева)

3. Анекдот

На игре слов строится «исторический анекдот из русской жизни».

Фразу Меншикова, находившегося под впечатлением действий московского генерал-губернатора: «Бедная Москва на осадном положении», некий граф Киселев довел до императора Николая. Меншикову пришлось оправдываться перед царем: «Киселев глуп и вечно недослышит. Я сказал, что Москва находится не в осадном, а в досадном положении».

Сбитый с толку царь махнул рукой и ушел.

(Исторические анекдоты)

4. Миниатюра из Толкового словаря

У В. Даля в статье «Глухой» приводится следующий диалог:

«Здорово, братан!» «Горох покупал!» «Глухой черт!» «Не кой черт, у меня семья!» (В. Даль Толковый словарь живого великорусского языка)

«Недослышанная», но принятая за подлинную информация по-своему интерпретируется, приводя в действие механизм апперцепции. Настоящая статья посвящена разным вариантам его языковой объективации с той целью, чтобы на исключениях понять также и правило, т.е. функционирование этого механизма в обычных ситуациях общения.

Термин «апперцепция» (от лат. «ab» + «perception») в переводе на русский язык означает «нечто, обусловленное восприятием, соотносимое с ним». Приоритет его введения в научный оборот принадлежит Г. В. Лейбницу, назвавшему словом «апперцепция» акт перехода бессознательных психических состояний (перцепций) в ясно и отчетливо осознаваемые. Проблема апперцепции занимала также И. Канта, который усматривал в так называемой трансцендентальной апперцепции – единство опыта и познания (однако этот феномен вписывался в доктрину, утверждающую, будто разум управляет законами природы).

Свое слово в учении об апперцепции внес И. А. Герbart, объяснявший посредством данного понятия обусловленность содержания новых представлений запасом уже имеющихся.

К изучению апперцепции как простейшей и вместе с тем фундаментальной психической закономерности обращались М. Вундт и его ученики. Дальнейшее развитие физиологии и психологии в указанном направлении доказали, что отражение предмета в голове человека – это не зеркальный, а сложный диалектический процесс, и характер восприятия, его содержательность и глубина в результате овладения новыми знаниями меняются, поэтому на одну и ту же вещь разные люди смотрят «как бы разными глазами», т.е. имеют различную апперцепцию [6, с. 84–85].

В современной трактовке апперцепция представляется как активное состояние психики при столкновении с новым содержанием сознания, включения новых знаний и нового опыта в систему уже сложившихся знаний, отбор, обогащение и классификация наличного материала сообразно со структурой сознания [там же].

Именно сквозь призму апперцепции мы будем трактовать случаи интерпретации высказываний, по ряду причин не понятых реципиентами.

Сгруппируем эти случаи по характеру примеров «неудачной коммуникации» по цепочке: «произнесенное» – «аномально воспринятое» – «ошибочно толкуемое». Приводимые ниже примеры взяты из

произведения русской художественной литературы. Каждый из них открывает новую позицию нашей классификации.

I. Звуковая игра в составе слова

– Алло! Ну что же вы молчите? С вами ужасно трудно разговаривать по телефону. Расскажите, что вы **поддельваете**?

– <...> **Что я поддельваю?** Преимущественно кредитные бумажки.

– Алло? Я вас не слышу!

– Кредитные бумажки!!!

– Что – кредитные бумажки?

– **Я. Поддельваю.**

– К чему вы это говорите?

– А вы спрашиваете, что **я поддельваю**?

Я не разобрал – два «д» у вас или одно. Вот и ответил.

(А. Аверченко. Алло)

В данной комедийной ситуации у человека, занятого изготовлением фальшивых купюр, нет сомнений, что на другом конце провода его спрашивают именно об этом. Весь гротеск ситуации по воле писателя-юмориста заключается в глупой готовности незадачливого фальшивомонетчика сообщить о своем криминальном действии по принципу: «что на уме, то и на языке».

II. Некорректное восприятие слов на основе их омонимичного звучания

– Ну что же. – Заложив руки за спину он (Лужин) прошелся по кабинету <...>. Мы вам помочь. А вы не хотите. А между прочим, **Курта**, случайно не знаете, а?

– **Кур-то?** – удивилась Нюра.

– Ну да, **Курта**.

– Да кто же **кур-то** не знает? – Нюра пожала плечами. – Да как же это можно в деревне без **кур-то**?

– Нельзя? – быстро переспросил Лужин. – Да. Конечно. В деревне без **Курта**. Никак. Нельзя. Невозможно. – Он придвинул к себе настольный календарь и взял ручку. – Как фамилия?

– Беляшова, – сообщила Нюра охотно.

– Беля... Нет. Не это. Мне нужна фамилия не ваша, а **Курта**...

Нюра посмотрела на Лужина, не понимая. Губы ее задрожали, на глазах опять появились слезы.

– Не понимаю, – сказала она медленно. – Какие же могут быть у **кур** фамилии?

– **У кур?** – переспросил Лужин. – Что? У кур? – А? – Он вдруг всё понял и, прыгнув на пол, затопал ногами. – Вон! Вон отсюда!

(В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

В не менее смешном отрывке Нюра судит о вопросах сотрудника НКВД с позиций деревенской жи-

тельницы, про **кур-то** подружка Чонкина знает практически все, а имя **Курт** так и остается для нее фонетической загадкой.

III. Ошибочный синтез словосочетания

Однажды Оська прибежал из школы в полном смятении. На улице среди бела дня к нему подошел какой-то солдат и спросил Оську, не знает ли он, как пройти в Швамбранию. Оська растерялся и убежал.

(Л. Кассиль. Кондуит и Швамбрания)

В известной повести Л. Кассиля двое ребят придумывают игру в страну **Швамбранию**, названную ими так в честь автора любимой книги «Греческие мифы» Шваба.

Дети настолько увлекаются этой игрой, что уличное обращение к ним молодых крестьян в обмотках: «Где тут в **штабармию** (т.е. **штаб армии**) **пойти**? В красные добровольцы записаться...» заставляет их поверить в реальность нереального.

IV. Неправильная расшифровка целого высказывания

Мальчишки стали подсказывать мне стихи: «Весело сияет месяц над селом». А в это время у меня был хронический насморк и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

*Еще первые строки я кое-как произнес. Но когда дело дошло до фразы: «**Крест под облаками, как свеча горит**». Я сказал: «**Треск под сапогами, как свеча болит**».*

(М. Зощенко. Не надо врать).

Можно только предположить, что первые три слова стихотворения были произнесены учеником, облаченные в более понятную и близкую для него форму, но глагол «болит» не мог появиться в стихотворной версии совершенно случайно. Мальчик плохо слышал из-за своего недомогания.

V. Наделение высказывания новым смыслом.

Героиня одного из рассказов известного шоумена Л. Якубовича, девочка, не достигшая возраста трёх лет, держа в руках потухшую свечку из торта, говорит своей доброй няне, пожилой верующей женщине: «**Молись и кайся!**». Этим «**Молись и кайся!**» она буквально преследует старушку и к ужасу последней произносит «**Молись и кайся!**» как заклятье бесчисленное количество раз.

У ребенка началась истерика. Девочка визжала и топала ногами. Голос ее метался по комнате, отражался от стен и колоколом бил по ушам перепуганной до смерти няньки.

(Л. Якубович Молись и кайся!)

Только пришедшие домой родители поняли, что ребенок таким образом просил поставить на видео ее любимый мультфильм «**Малыш и Карлсон**».

Следует остановиться еще на одном сопряженном с изложенным выше явлением, которое также управляется апперцепцией. Это явление народной этимологии.

Народной этимологией принято называть переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным [7, с. 75].

В принципе на народную этимологию распространяется тот же эффект «испорченного телефона» с той лишь разницей, что человек не просто искажает смысл чего-то услышанного и по-своему интерпретируемого – в «переоформленном» звуковом рисунке слова содержится попытка узнать логику именованного стоящего за этим словом объекта.

Народная этимология свойственна речи неграмотных людей, которым хочется употребить «дикий» слово».

Так, в рассказе А. П. Чехова «Кухарка женится» представлен следующий монолог:

Тебе бы все с почтальонами, да лепетиторами перемигиваться! К Гришеньке лепетитор ходит, барыня, так она об него все глазищи обмазолила. У, бесстыжая!

По мнению необразованной женщины, молодой учитель, приходящий в дом с частными уроками – **лепетитор**, потому что он **лепечет** что-то непонятное, совершенно далекое от ее сознания.

К народной этимологии часто прибегают дети в их стремлении познать мир «слов и вещей».

Перечень таких «новообразований» приводит в книге «От двух до пяти» К. И. Чуковский:

- вертилятор** (вентилятор) – потому что **вертится**;
- кружинка** (пружинка) – потому что **круглая**;
- прицепт** (а не рецепт) – так как он **прицепляется** к аптекарской бутылочке;
- гульвар** (а не бульвар) – так как это специальное место для **гуляния**.

Мать говорит дочери, чтобы успокоить ее: «**Терпи, казак, атаманом будешь!**». Дочка, в свою очередь, вторит матери, обращаясь к кукле: «**Терпи, коза, а то мамой будешь!**» и т.п. [8, с. 32]. Список подобных иллюстраций можно было бы продолжить.

Таким образом, все перечисленные выше примеры убедительно демонстрируют, что человек интерпретирует поступающие к нему сообщения с позиций своего «Я», основываясь на наличии в его сознании *внутренней установки на информацию, которую он не столько слышит, сколько хочет услышать в создавшихся обстоятельствах.* Понимание информации осуществляется исходя из возрастных особенностей, уровня интеллектуального развития и жизненного опыта человека, его психического настроения, политических и религиозных убеждений, устоявшихся привычек, условий бытования и прочих факторов.

В описываемых нами случаях отдаленный от истинного фонетически облик отдельного слова или целого высказывания ассоциируется с нечто уже известным, знакомым, либо в данный момент внутренне переживаемым, и порождает реакцию, вызывающую (при взгляде «со стороны») комический эффект. Однако у этого смешного есть свои корни, уходящие в научное толкование явления апперцепции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
2. *Бондарко А. В.* Интерпретация понятия «смысл» / А. В. Бондарко // Словарь. Грамматика. Текст : сб. ст. – М. : Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. – С. 316–321.
3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – М. : Азъ, 1996. – 928 с.
4. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Longman, 2000.
5. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language / D. Crystal. – Cambridge University Press, 1995.
6. *Философская энциклопедия* : в 5 т. – М. : Советская энциклопедия, 1973–1978. – Т. 1. – 504 с.

Воронежский государственный университет

Бабушкин А. П., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языка

E-mail: apbabushkin@rgph.vsu.ru

Тел.: 8(473) 2208-441

7. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М. : Учпедгиз, 1995. – 400 с.

8. *Чуковский К. И.* От двух до пяти / К. И. Чуковский. – М. : Детгиз, 1957. – 367 с.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки / А. Н. Афанасьев. – Л. : Лениздат, 1983. – 446 с.

Исторические анекдоты из русской жизни. – М. : Захаров, 2004. – 464 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – Т.1. – 1743 с.

Аверченко А. Т. Веселые устрицы / А. Т. Аверченко. – М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010. – 477 с.

Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина / В. Н. Войнович. – М. : ЭКСМО-Пресс : Изографус, 2002. – 544 с.

Кассиль Л. А. Конduit Швамбрания / Л. А. Кассиль. – М. : Детская литература, 1975. – 495 с.

Зоценко М. М. Возвращенная молодость : новости, рассказы, фельетоны / М. М. Зоценко. – М. : Эксмо, 2007. – 576 с.

Чехов А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – Казань : Татарское кн. изд-во, 1978. – 318 с.

Якубович Л. А. По чуть-чуть... Рассказы, стихи / Л. А. Якубович. – М. : Вагриус, 2010. – 384 с.

Voronezh State University

Babushkin A. P., Doctor of Philology, Professor, Head of the English Chair for Humanities

E-mail: apbabushkin@rgph.vsu.ru

Tel.: 8(473) 2208-441